

В. В. Слеженков, В. М. Шинкарук

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЗИТИВИСТСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Статья связана с анализом эволюции доктринального понимания законности, а также специфики ее практической реализации в контексте развития французской концепции правового государства. Авторами исследуется историческая трансформация соответствующих идей, раскрываются дискуссионные аспекты различных теоретических взглядов сторонников юридического позитивизма на государство, демонстрируется их влияние на институционализацию правовой государственности во Франции.

Ключевые слова: правовое государство, законность, правопорядок, конституционализм, власть, суверенитет, легитимность.

V. V. Slezhenkov, V. M. Shinkaruk

CLASSICAL POSITIVISTIC MODEL OF A LEGAL STATE IN THE FRENCH JURISPRUDENCE

The article is related to the analysis of the evolution of doctrinal understanding of legality as well as the specific character of its practical realization in the context of the development of the French concept of a legal state. The authors research the historical transformation of the corresponding ideas, analyze disputable aspects of various theoretical views of juridical positivism advocates regarding a state, and demonstrate their influence on the institutionalization of legal statehood in France.

Keywords: legal state, legality, law and order, constitutionalism, power, sovereignty, legitimacy.

В начале XX в. во французской политико-правовой доктрине возрастает степень критичности восприятия идей легицентризма как в связи с рядом негативных практических следствий, так и в результате их все более очевидной теоретической уязвимости. Наиболее значимым итогом данного процесса выступила реакция, возникшая в рамках юридического позитивизма, отражением которой стала концептуализация идей правового государства («Etat de droit»).

Сравнительно позднее появление во Франции концепции правового государства во многом определялось самой спецификой коннотаций, обозначающих во французском языке понятие «государство» слов «Etat», подразумевающего правовой характер власти и «République», которое рассматривалось еще Ж. Боденом в смысле «общего блага», а Ж.-Ж. Руссо — как применимое к описанию любого государства, «подчиненного»

праву [12, с. 86]. Также на данную ситуацию повлияли приоритет традиции легицентризма, при которой правовая основа действий государства отождествлялась преимущественно с гарантиями демократически легитимированного закона, неустойчивостью конституционных актов, политической и административной централизацией. В итоге только в 1920—22 гг. идеи правового государства во Франции были консолидированы на уровне теории Р. Карре де Мальберга.

Политико-правовые воззрения Р. Карре де Мальберга имели преимущественно «чистое» позитивистское содержание. Определяя сущность государства, данный автор акцентирует внимание на его юридических характеристиках — единстве (выражающемся в формулировании консолидированной воли национальной общности через созданные с этой целью органы), правосубъектности (государство представляет

собой, как отмечал еще А. Эсмен, «юридическую персонификацию нации»), суверенной власти [5, с. 8—9].

Суверенитет Р. Карре де Мальберг считает определяющим качеством власти государства, означающим свойство, образ действия, уровень власти, источник первичных верховных юридических полномочий [1, с. 176—177]. Вследствие

этого им критиковалась концепция национального суверенитета (как действенная только при идеальном представительном режиме, на практике нивелируемая опасностью изъятия суверенитета в пользу представительных органов) и отрицался суверенитет народный (поскольку подобными полномочиями может обладать лишь особая властная организация, а не индивид или группа лиц).

Идея власти, доминирования в концепции государства является ключевой для Р. Карре де Мальберга. Активизация государственного вмешательства в общественную жизнь не означает, по мнению теоретика, смещения акцентов в его отношении с населением в пользу сотрудничества, так как невозможны ни всеобщее участие во власти, ни гармоничное сочетание свободных индивидуальных усилий для достижения социально значимых результатов — инструментом этого может быть только властное распоряжение [1, с. 169—170]. Целью государства остается утверждение власти, а сотрудничество представляет лишь легитимированное в современности средство достигнуть ее, поскольку государство существует не для себя, а для народа и объективно связано правом, посредством которого как управомочивает, так и обязывает себя, — ведь какой бы ни была его мощь, оно не может отрицать правовой порядок [5, с. 229]. Это обуславливает прогрессивное развитие трех форм организации публичной власти.

«Полицейское государство» (существовавшее во Франции при Старом порядке) мыслитель определяет в качестве системы, где администрация с почти неограниченной свободой усмотрения издает акты и применяет к гражданам меры, которые сочтет необходимыми, чтобы

противостоять обстоятельствам и достигать своих целей, а право играет роль инструмента господства [5, с. 488].

«Государство законности» (современная теоретика Третья республика) представляет, по мнению теоретика, демократический идеал, обеспечивающий примат закона как воплощения легитимно сформулированной воли большинства или общей воли [5, с. 488]. Подобная законность ограничивает деятельность государства, но носит формальный характер, поскольку парламентское верховенство не предполагает постановку вопроса о сущности закона, степени его соответствия фундаментальным правовым принципам и возможных последствиях их искажения. Предоставляя населению гарантии защиты, она, тем не менее, не способна оградить его от потенциальных злоупотреблений самого государства.

Правовое государство (цель развития), согласно идеям Р. Карре де Мальберга, отражает суть теории фундаментальных прав как лимитов демократически легитимированного осуществления законодательной власти. «Для осуществления отношений со своими гражданами и соблюдения их личного статуса» оно «само подчиняется определенному правопорядку, ограничивая себя рамками правовых норм, среди которых одни определяют права, предоставляемые гражданам, а другие устанавливают заранее пути и средства, которые могут быть использованы для достижения государственных целей: эти оба вида правовых норм направлены на то, чтобы ограничить могущество государства путем подчинения его существующему правопорядку» [5, с. 488—489]. В отличие от «государства законности» правовое государство не только подтверждает защиту прав, но и предоставляет ее реальные средства, в частности, укрепляет авторитет судебной власти (в Третьей республике зависимой от министерства юстиции [2, с. 89]) в целях обеспечения охраны индивидуальной свободы против опасности «тирании большинства» и произвола власти.

Определяя средства правовой лимитации государства, мыслитель подчеркивает необходимость прочности конституционного

режима, перехода от легицентризма к верховенству права и переосмысливает сложившуюся в доктрине традицию «иерархии норм» — Декларации прав человека и гражданина 1789 г., признающей фундаментальные естественные права, конституции, законов, регламентарных актов (на практике подменяемую принципом формальной законности).

Он ставит на первое место в ней конституцию как отражение высшей воли нации и легитимации власти [12, с. 90—91], обосновывая это специфичностью ее признаков: высшей юридической силы, особой процедуры ревизии, фиксации конституцией статуса органов власти, позволяющей ограничить компетенцию законодателя. Нормы же Декларации, хотя и имеющие важнейшее политическое и моральное значение, но с юридической точки зрения являющиеся принципами обычного права, не исходящего от государства, по мысли Р. Карре де Мальберга, не могут на это претендовать.

В этой связи и с учетом практики принятия законов, отклоняющихся от содержания конституции, необходимым атрибутом правового государства теоретик полагал конституционный контроль, осуществляемый системой общего правосудия, по образцу США, отличающихся особой устойчивостью конституции. В сочетании с усложнением порядка ее изменения, введением общенародных выборов президента (как равновесия парламентской легитимации), наделением последнего правом роспуска парламента, расширением возможностей судебного обжалования актов органов власти, учреждение данного института позволило бы, по его мнению, выполнить задачу рационального ограничения всемогущества законодателя и обеспечить верховенство права [5, с. 166].

Наконец, элементом правового государства теоретик считал принцип единства и субординации власти, иерархично организованной под руководством парламента. Исследователь все же признавал парламентаризм, при сочетании с надлежащими правовыми гарантиями, оптимально отражающим демократические начала (режим Третьей республики

характеризовался им как «полу — представительный») [11, с. 32]. Аргументируя необходимость субординации власти следованием «иерархии норм», концепции закона как выражения общей воли и единственного, помимо конституции, инструмента разделения полномочий властей [6, с. 72], неприятием деления властных функций (ввиду отсутствия юридических оснований, опасности смешения задач и функций государства, единства целей, стоящих перед актами разных видов), Р. Карре де Мальберг подчеркивал и убежденность в том, что правовая наука должна иметь дело с юридическим эффектом действий государства, а не их социальными следствиями. Стоит отметить, что в политической практике Франции дилемма между принципами единства и координации властей решалась в пользу первого вплоть до принятия Конституции 1958 г., отдавшей приоритет исполнительной власти и переосмыслившей идею «арбитражной роли» главы государства.

Новаторский подход Р. Карре де Мальберга к ряду традиционных теоретических вопросов и масштабность предложенных практических мер вначале вызвали настороженное отношение представителей юридического позитивизма, в то время как сторонникам позитивно-социологических подходов рассмотренная концепция, напротив, представлялась чрезмерно формальной. Однако в 30-х гг. XX в., во многом в свете оценки новых тенденций кризиса парламентаризма, его взгляды стали основой теоретических разработок ряда французских ученых — Р. Капитана, Ш. Эйзенманна, Ж. Бурдо, как и Р. Карре де Мальберг, представлявших университет Страсбурга («Страсбургская школа»).

Р. Капитан подчеркивал необходимость «рационализации» парламентаризма для обеспечения большей стабильности и самостоятельности исполнительной власти, без чего государство не может быть сильным. Отмечая недостатки легицентризма, теоретик пришел к радикальным выводам, характеризуя государственную систему Франции как антилиберальную, нарушающую равновесие властных полномочий, вызывающую угрозу

индивидуальным свободам и констатируя невозможность действия в этих условиях верховенства права [14, с. 270]. Переход к конституционализму и реформирование системы власти выдвинулись ему первоочередными задачами для приближения к идеалам правовой государственности.

Обосновывая важность придания приоритета конституции, Р. Капитан впервые в позитивистской традиции [4, с. 167] вышел за рамки ее нормативного понимания, указывая, что данный акт представляет не только свод позитивных норм, но и совокупность политических обычаев, соглашений, неписаных принципов права. Тем более это присуще конституции Третьей Республики, ограниченной регламентацией властеотношений (такое заключение предвосхитило расширение «конституционного блока» «иерархии норм» в 70-е гг., в результате которого Декларация 1789 г. стала считаться составной частью Конституции, а правовые принципы, признаваемые в юрисдикционной практике конституционно значимыми, получили надзаконную юридическую силу).

Также Р. Капитан выражал иную в сравнении со своим предшественником точку зрения на преобразование системы власти, предлагая более масштабные реформы, — оптимальным ученый считал равновесие законодательной и исполнительной ветвей, при первенстве последней, расширении полномочий президента и усилении непосредственной демократии [9, с. 18]. Это, по мысли теоретика, могло бы создать систему гарантий, лимитирующих деятельность государства в правовом поле, позволяющих защитить индивидуальные права от возможных нарушений в ходе ее осуществления.

Идеи Р. Карре де Мальберга в 30-е гг. оказали значимое влияние и на творчество Ж. Бурдо. Его научная деятельность началась с исследования учредительной власти, в которой мыслитель выделял две составляющие — конститутивную (метаюридическую, учреждающую правопорядок, исторически действенную, несмотря на социально-политические изменения) и ревизионную (основывающуюся на

правопорядке и конституции, уполномочивающих ее пересматривать фундаментальные нормы). Последняя категория представляет, по мнению Ж. Бурдо, частное выражение власти в юридическом смысле и предполагает безусловное верховенство конституции в правовой системе государства как основание лимитации подобной власти [10, с. 95].

Теоретик отождествляет государство с властью как характеристикой, выражающей его юридические рамки и связь с правовой идеей, а не суверенитетом как политическим качеством, возникающим из серии исторических обстоятельств, обуславливающих равновесие властей в обществе, и способного быть отделимым от государства вследствие персонификации. Согласно позиции Ж. Бурдо юридическая форма власти выступает посредником между абстрактными идеями государства и права и их функциональными понятиями, позитивным отражением. Это приводит мыслителя к выводу об объективной связанности государства правом, обуславливающим и легитимирующим власть, исходя из специфики природы государства как властного института, выражающего идею права, присущую массовому сознанию [13, с. 597—598]. В плане определения средств, позволяющих оптимизировать подобную лимитацию, Ж. Бурдо в целом солидарен с Р. Карре де Мальбергом, выступая за введение реального конституционализма, но при следовании разделению властей, равноправии исполнительной и законодательной ветвей.

Наконец, в числе ученых, чьи взгляды на государство находились в тесной связи с концепцией Р. Карре де Мальберга, следует указать Ш. Эйзенманна. В 30-е гг. XX в. совместно с Г. Кельзенем он развивал нормативистское учение о тождестве государства, априорно подчиненного праву вследствие его выражения в определенных человеческих актах, приписываемых государству как юридическому лицу на основании регламентирующих их норм, среди которых существует основная, обосновывающая правопорядок в целом, и правопорядка, рассматриваемого преимущественно в динамике. При этом мыслитель отождествлял право с позитивными предписаниями и

подчеркивал абстрактность теории разделения властей, выступая за их координацию [8, с. 565].

Данный исследователь, отмечая конституционный характер детерминирующей правопорядок нормы, полагал, что демократию, основанную на законе, сменяет демократия, базирующаяся на конституции — акте высшей юридической силы, определяющем функции государства в целом и полномочия конкретных органов, выступающем гарантией его правового ограничения. Ш. Эйзенманн подчеркивал, что закон является выражением общей воли только при совместимости с конституцией (в 1985 г. это стало фундаментальным принципом права, сформулированным Конституционным советом [12, с. 94]). Однако, полагая, что фундаментальная норма образует лишь основание действительности для иных норм, а их содержание определяют акты, посредством которых они устанавливаются инстанциями, уполномоченными основной нормой [3, с. 72], теоретик обосновывал необходимость универсализации оценки содержательного соответствия, констатируя, что в ином случае демократическая система не защищена от проблем сущностной несостоятельности норм и формальной легитимации авторитарных политических сил. В этой связи Ш. Эйзенманн выступал за реальное гарантирование конституционного верховенства [7, с. 40], в частности через создание конституционной юстиции, проанализировав деятельность Конституционного суда Австрии, созданного по инициативе Г. Кельзена. Вместе с тем, в отличие от классического нормативизма, мыслитель затронул проблему негативного отклонения правоинтерпретационной деятельности, предостерегая против излишнего расширения полномочий конституционного контроля и политизации роли суда.

В дальнейшем воззрения Р. Карре де Мальберга и деятелей «Страсбургской школы» (последние продолжали научную деятельность в течение нескольких десятилетий) оказали существенное влияние на трансформацию парламентаризма Четвертой республики и формирование

конституционного режима Пятой республики, содержание политико-правовых инициатив ее идеологов

Ш. де Голля и М. Дебре. Так, в Конституции 1958 г. были воплощены идеи всеобщего избирательного права как источника власти (общенародные выборы президента, особая роль «партийной» власти), расширения оснований проведения референдумов, упрочения независимости суда, введения полноценного конституционного контроля (хотя и осуществляемого квазисудебным органом).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Правовое государство рассматривалось Р. Карре де Мальбергом в качестве идеала прогресса государственно-правовых форм, складывающегося ввиду расширения социальной базы и усиления легитимации власти, прагматически обоснованного государственным интересом. Оно понималось как территориальная организация суверенной власти, служащая юридической персонификацией нации и выражающая ее коллективную волю, нацеленная на утверждение доминирования, но подчиненная создаваемому ею правопорядку, сбалансированному в виде «иерархии норм» во главе с конституцией, вследствие необходимости легитимации своих действий.

2. Становление правового государства, согласно позиции Р. Карре де Мальберга, не меняет сущность суверенной власти, но влечет ее объективное самоограничение правом в целях защиты индивидуальных прав и свобод, ценность которых ранее могла быть нивелирована в свете формального подхода к законности. Гарантиями утверждения правовой государственности в этой связи выступают стабильность конституционного режима, иерархизация норм во главе с «жесткой» конституцией, наличие конституционного контроля, независимости суда, расширение элементов непосредственной демократии, «рационализация» парламентаризма при изменении баланса ветвей власти,

субординированных под руководством парламента на основе единства.

3. Взгляды деятелей «Страсбургской школы», при сходстве ряда теоретических основ с концепцией Р. Карре де Мальберга, отличаются от нее отождествлением государства и правопорядка (Ш. Эйзенманн), дифференциацией суверенитета и власти, институциональным подходом к сущности последней (Ж. Бурдо), определением организации власти на основе единства, при координации (Ш. Эйзенманн) либо в контексте разделения, при балансе (Ж. Бурдо) или приоритете исполнительной власти (Р. Капитан), признанием нормативности неписаного права (Р. Капитан).

4. Идеи представителей классической позитивистской версии правового государства предопределили как его будущую институционализацию, так и дальнейшие векторы развития доктринального понимания и в формальном (в плане определения сущности, признаков государства, оснований его юридической лимитации), и в содержательном (в свете обоснования как правовой, так и общесоциальной легитимации государственных действий, ее взаимосвязи со сферой индивидуальных прав) смыслах. Ввиду своей вариативности рассмотренная концепция оказала серьезное влияние не только на сугубо юридические теории правового государства, но и на ряд политико-юридических, социологических и аксиологических подходов к описанию его сущности.

Список библиографических ссылок

1. Беше-Головко К. Этатизм Раймона Карре де Мальберга и его неожиданная актуальность в современных условиях // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 166—180.
2. Кучма В. В. Развитие государственного строя Франции в период нового времени (от Великой Французской революции до Третьей республики): учеб. пособие. Волгоград: ВАГС, 1997.
3. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. переводов. Вып. 2 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. М.: ИНИОН РАН, 1988.
4. Birnbaum P., Leca J. Individualism: theories and methods Oxford: Clarendon Press, 1990.
5. Carré de Malberg R. Contribution a la théorie générale de l'Etat, spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. En 2 tomes. T. 1 / R. Carré de Malberg. Paris: Sirey, 1920.
6. Carré de Malberg R. La loi, expression de la volonté générale, etude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. Paris: Sirey, 1931.
7. Delaunay B. L'indispensable de droit constitutionnel. Paris: Studyrama, 2004.
8. Eisenmann C. L'Esprit des lois et la separation des pouvoirs // Mélanges Carre de Malberg. Ed. C. Leben. Paris: Ed. Panthéon-Assas, 2002. P. 163—192.
9. Fournier A.-X. La dynamique du pouvoir sous la Ve République: cohabitation et avenir des institutions. Paris: PUQ, 2008.
10. Gözler K. Le pouvoir de revision constitutionnelle. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 1997.
11. Klaitz J. Liberty/liberté: the American and French experiences. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 1991.
12. Pech L. Rule of Law in France // R. P. Peerenboom (ed.), Asian Discourses of Rule of Law. Theories and implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the US. London: Routledge, 2004. P. 79—112.
13. Van der Eyden T. Public management of society: rediscovering French institutional engineering in the European context. Amsterdam: IOS Press, 2006.
14. Wahl N. The constitutional ideas of Michel Debre // Theory and politics. Ed. K. von Beyme. Hague: Ed. M. Nijhoff, 1971. P. 259—271.